

ОЛЯ ЗВЕРЕВА

Я шагаю к Маяковке

ВМЕСТО ГОРЬКОГО ТВЕРСКАЯ

Оля Зверева
Я шагаю к Маяковке.
Вместо Горького Тверская

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40219854
ISBN 9785449393630*

Аннотация

Юность – вот её название – и плывут воспоминания... Чуть размыты и неясны, но легки и так похожи на сегодняшнее время, на тебя сейчас, но всё же вместо Горького Тверская, свет витрин, кафе и баров... Я шагаю к Маяковке! Вместо Горького – Тверская. Фонарей сияние ярче, свет неона ослепляет, и витрин призывная роскошь. Только липы на Тишинке погружают в невозможность... Ты и я идём с гитарой в тихий сквер на Патриаршем. Свет витрин кафе и баров... Тает всё в приметах старых.....

Содержание

Вместо Горького Тверская	6
Я шагаю к Маяковке	10
Ко мне сегодня в сон	11
Быть может	13
Ты уходишь	15
Что Ты – как я, а Я – почти как Ты	17
Воспоминание	19
Владимиру Маяковскому	20
Париж	24
Вместо Горького – Тверская	27
Гимн любви!	30
Весна с ума весь мир свела	31
Весенний дождь	33
Облетает цвет с кустов сирени	35
Настроение	38
Июньский Ленинград	40
Летнего вечера просит душа	42
В ожидании грозы	44
Разговор и тёплый вечер	46
Мне твой образ снится	48
И суета Тверской	51
И цветы хорошеют от ласки	53
Разговор с дождём	54

Бульварное кольцо	56
Люди и манекены	58
Орхидея	60
Я забегу на чай	61
Апрельский сад	63
Танец с дождём	64
Лето в городе	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Я шагаю к Маяковке Вместо Горького Тверская

Оля Зверева

Использованы фотографии Рамиля Гали, Марии Афанасьевой, Алены Чагиной, Ольги Едутовой

© Оля Зверева, 2019

ISBN 978-5-4493-9363-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо Горького Тверская

Книга «Я шагаю к Маяковке!» – сборник стихов, навеянных воспоминаниями, впитавшими в себя атмосферу московских улиц, архитектуру её зданий, исторических центров. В стихах – впечатления, оставившие след в сердце после значительных и не значимых событий.

Воспоминания о Москве наполнены музыкой, созданной столицей и прозвучавшей в душе. Произносится, узнаваемое на всех языках мира, протяжное слово Москва, и тысячи ассоциаций и образов мгновенно дарит человеку его сознание. В каждый момент жизни и у каждого они разные. Но несомненно и бесспорно одно. Москва – это – Россия. Москва – это символ державы. Для меня – это ещё и Москва Андрея Вознесенского:

«Дай мне, Москва, по максимуму
удачи, ударов, горестей.
Белого камня мячковского,
голоса вместо логоса.

Дай мне, Москва, по максимуму
на пару жизней как минимум
соборов твоих помазанников
и плахи правее Минина.

Дай мне, Москва, по максимуму
растопчинского твоего дара,
сжигая себя помалкивать —
стать краше после пожара...».

Это и Москва Юрия Нагибина: «Москва необъятна, неохватна и к тому же слишком быстро меняется. Не успеваешь привыкнуть к одному облику города, а он уже стал другим. Сколько лет прошло, а я всё ищу Собачью площадку, поглощённую Калининским проспектом...» и «Москва – колдунья, она может заставить тебя вмиг забыть обо всём, что искажает её черты. Она бывает так неопишима, хороша, ну хотя бы в мае, когда в московские белые ночи непрозрачный сумрак окутывает золотые купола и дивной свежестью тянет из Александровского сада...», «...Москва умеет обманывать. Она поражает на подъезде к ней морем огней, золотым заревом, вселенским нимбом, и надо оказаться в ущельях тёмных улиц, чтобы понять, до чего плохо она освещена...».

Вот и всё, казалось бы, что нужно знать о Москве, чтобы любить её и служить ей.

Но продолжают писать о Москве прозаики и поэты. И для всех она Одна, и Своя у каждого. Вот и моя Москва – это площадь Маяковского, улица Горького, старое здание «Современника», кинотеатр «Москва», Калининский проспект, не принятый Юрием Нагибиным и полюбившийся нашим поколением за ярко освещённые витрины магазинов. Манил

к себе универмаг «Москвичка», где Слава Зайцев устраивал показы модной одежды, после которых, заняв очередь и простояв в ней ночь, можно было купить понравившиеся пальто или платье. И не статус и деньги решали возможность покупки, а студенческий задор перводобывателя прекрасного, и кафе «Космос» на улице Максима Горького.

Вместо Горького – Тверская, но флёр и статусность этой улицы остались в сердце.

Улица Гашека (дом 2), на которой мы жили, чинно выводила меня к улице Горького. Из подъезда – два выхода, один к Тишинский площади, второй во двор ресторана «Пекин». Две минуты и ты в кафетерии Пекина, где всегда кофе, чай, вкусные пирожные, ветчина и бутерброды с красной икрой. Для более серьёзных покупок – легендарный Тишинский рынок. А в нём продуктовые лавочки, комиссионки с зарубежными товарами, пивные забегаловки, разношёрстная публика. И уже позже – восторг и потрясение от памятника, сотворённого моим кумиром Андреем Вознесенским. Как же вздрогнуло сердце от осознания, что принимаю Андрея Вознесенского не только как поэта, но и архитектора. И уже позже в посвящённом ему стихотворении напишу: «Глыбой встал на моём пути, произнёс звенящие строки. Мне теперь их по жизни нести. Век прошёл. Подвожу итоги...».

Итак, перед Вами книга – «Я шагаю к Маяковке». Предварить впечатление и рассказать о ней не смогу. Чтобы понять, интересны ли стихи – их нужно прочесть. Если Вы всё-

таки решили прочесть книгу – я счастлива быть с Вами в моих стихах.

Ольга Зверева

Я шагаю к Маяковке

Ко мне сегодня в сон

Ко мне сегодня в сон влетел трамвай,
Тот, что когда-то увозил тебя
В наш старый двор, и в юность, в дивный край...
В страну иллюзий, в сказку бытия.

Он плыл, звеня, по городу, как миф,
Как блудный пёс, вернувшийся из грёз.
Всего на миг туманом он возник,
Рассеялся, и мир с собой унёс.

Прогромыхал среди клёнов гость ночной,
Оставив потревоженным бульвар.
И виделось, что машет мне рукой
Взъерошенный весёлый мальчуган.

Растерянно брела я по путям,
Не понимая, как, когда и кем
Тот блудный пёс является ко мне
И ворожит, и ластится зачем?

Как будто в вольный, васильковый край
Зовёт и манит волжской чистотой.
Ко мне сегодня в сон влетел трамвай.
Проплыл сквозь жизнь разгаданной мечтой.

БЫТЬ МОЖЕТ

...И в памяти моей живёт весна.
Бушует, словно вечный океан.
Быть может, это первая любовь
Всплывает, как счастливый талисман.

Быть может, это сердится судьба,
Нанизывая ниточку из грёз:
В ней из ольхи серёжек кутерьма
И солнечный букет из жёлтых роз.

В ней белых майских ландышей дурман
И пьяные сирени во дворе.
Бушует, словно вечный океан,
Записка, что держу сейчас в руке:

«Ты знаешь, я хочу с тобой дружить.
Не скажешь – да, я не сумею жить.
Быть может, это ты моя судьба?»
И в памяти моей наша весна.

Ты уходишь

*«Ты уходишь, как поезд. Я одна на перроне...»
Евгений Евтушенко*

«Ты уходишь, как поезд. Я одна на перроне...»

Вот эпитафия к ещё не написанной жизни моей.
Но рассвет, начинается день и в вагоне
Я стою у окна. А в руках твой подарок, —
Хмелящая нежность, – сирень.

«Нет, не плакать, дождь, не плакать...»
Эта песня звучит в перезвоне колёс.
Мне пока не страшны, ни морозы, ни осени слякоть.
И, конечно, в весну меня поезд рассветный увёз.

И потом, лишь потом, снегопады и летние грозы.
И потом зимний холод, промозглый осенний озноб.
А сейчас: «Ты уходишь. Уходишь. Уходишь, как
поезд...»
Всё звучит монотонно под звуки спешащих колёс.

Жизнь летит, поезд мчится, осталось чуть, чуть
перегонов.
И вагон стал родным, как родительский дом.
В такт колёса стучат, станций сонных в ночи перезвоны.

И знакомый перрон, и хмельная сирень за окном.

«Поезд, поезд уже в дали, его не вернёшь...

Поздно. Мне любить тебя поздно...»

Улыбается юность, и слышится песня сквозь дождь:

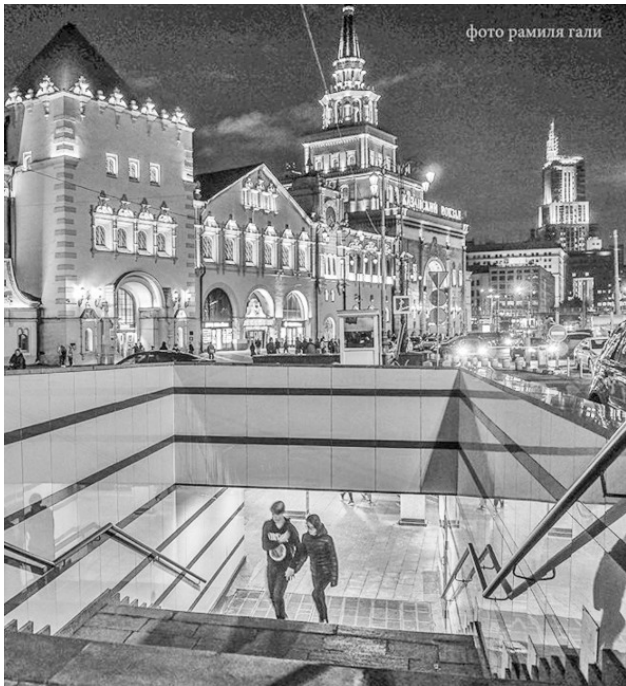
«Мне любить тебя поздно...»

Что Ты – как я, а Я – почти как Ты

Москва, Москва – чужой и шумный город.
Ты не бываешь тихим и пустым.
И я порой испытываю голод
По суматошным улицам твоим.

Бегу к тебе, в твою толпу ныряю,
И наглотавшись этой суеты.
Я успокоюсь, будто понимая,
Что Ты, как Я, а Я почти как Ты.

Воспоминание

Я иду по Тверской – вспоминаю:
Маяковка, Васильевский спуск...
Мы по Бронной шаги отмеряли —
Дом на Гашека. Вечер. Грусть.

Владимиру Маяковскому

Прёт

из глаз поэта

неистовство.

Бьёт

из них фонтаном

свобода.

Разлетаются

яркими

искрами

Удаль,

воля,

сила народа.

Голос дан,

пусть гремит

над сводами

Слов обвал.

Пой,

кричи —

Вихрь

подхватит

горячие искры,

из глаз поэта —

НЕВЫСКАЗАННОСТЬ.

Не молчи-

кричи,

не сумеешь

сказать

не родятся,

Дети

Солнца,

света

лучи.

Льют

из глаз поэта

Свобода.

Сила.

Воля.

Любовь из лет.

Говори —

ТЫ ЯЗЫК

народа!

Куй

из Солнца

благостный свет.

Париж

*«Можно не интересоваться событиями 4 -й
Тверской – Ямской, но как же не знать последних мазков
со стен ателье улицы Жака Калло?!»*

В. В. Маяковский. «О Чём!»

Париж! Париж!

Не знаю я Парижа!

Решила разглядеть его поближе.

Едва свернула в улочку ночную

И новый

незнакомый

город вижу.

Вот только

что огни

лились рекою,

Казалось,

что они пронзают

город.

Едва свернула в улочку ночную,

а штиль.
Один
неосторожный шаг,
и мрак.
Всего лишь ночь.

Всего лишь шаг.

Всего лишь миг...

Вместо Горького – Тверская

Вместо Горького – Тверская,
свет витрин, кафе и баров,
я шагаю к Маяковке и ловлю
приметы старых

улиц, зданий, магазинов,
погружаюсь в мир картины.
Юность – вот её название —
и плывут воспоминанья...

чуть размыты и неясны,
но легки и так похожи
на сегодняшнее время,
на тебя сейчас, но всё же

вместо Горького Тверская,
свет витрин, кафе и баров,
я шагаю к Маяковке и ловлю

приметы старых
силуэтов тех прохожих,
все спешащих и бегущих,
как всегда, везде, но всё же

вместо Горького – Тверская,

фонарей сиянье ярче,
свет неона ослепляет
и витрин призывна роскошь.

Только липы на Тишинке
погружают в невозможность...

Ты и я идём с гитарой
в тихий сквер на Патриаршем.
Свет витрин кафе и баров...
Тает все в приметах старых...

Гимн любви!

Гимн любви! – какая проза, —
Эти гимны, эти марши.
Мы стояли у березы
На прекрасном Патриаршем.

Теплый вечер. Взгляд прохожих
Не смущал своим вниманьем...
Были мы с тобой похожи
На весны очарованье.

Весна с ума весь мир свела

Апрель, теплынь. Приятно и легко
Идти по шумным улицам Москвы.
И облако взлетело высоко,
И на лотках весенние цветы.

И нежится на полке тёплый плед,
И нараспашку яркое пальто,
И пост признав, обычно пьяный, дед
В палатке покупает молоко.

А ты идёшь – красива, весела.
Играет бликами в глазах апрель,
Ведь юности всегда к лицу весна
И звонкая апрелей канитель.

Весна делами заполняет дни:
Достать тюльпанов с отблеском Зари,
И солнце припекать уговорить,
И чтоб к ногам слетелись Сизари.

Забраться в голубятню на чердак.
Чтобы сердце билось радостно в груди.
И чтоб навстречу выскочил чудак
И прокричал девчонке о любви.

Но а пока, красавица одна,
Идёт по шумным улицам Москвы.
А ей вдогонку новая Весна
Поёт: ну хоть со мной поговори.

И в такт весне девчонке повторяю:
«Красавица, влюбляйся и гуляй.
И чтобы непременно к декабрю
Нас пригласила на Заздравный чай.»

А ты идёшь – красива, весела.
Апрель поёт. Забыты все дела...
Шумит в оживших скверах детвора.
Весна весь мир опять с ума свела.

Весенний дождь

Меркнет день под напористой тучей.
– Ах, негодница, здравствуй. – Не ждали.
Дождь явился холодный, колючий,
Будто мало нам в жизни печали.

Что? Тебе одиноко на небе,
В царстве серых кудрявых барашков?
Поливать будешь землю нещадно,
Чтобы спрятались звери и птички?

Чтоб, почувствовав натиск стихии,
Испугавшись холодного ветра,
Мы о ласковом солнце забыли,
И, усевшись в тепле у оконца,

Погрузившись в тоскливые думы,
Загрустили в тоске и печали.
В одиноком молчании едва ли,
Глупый дождь, ты чего то дождешься.

Лей, бесчинствуй, твори свои козни,
Мы тебя не осудим сегодня,
Нам ли ныть, одолев снегопады.
А за то тебе будет награда, —

Просидев у камина до ночи —
Посвятим тебе новые строчки.

Облетает цвет с кустов сирени

Облетает цвет с кустов сирени,
укрывает строчки из стихов,
что писала под покровом лени.
отвоевывая ночь у сладких снов.

Получился стих скучным и вялым,
Я его швырнула из окна,
Натянув повыше одеяло,
Вдруг уснула... А теперь весна...

Шелестит ручьями, на полянах
Полыхают жёлтые цветы.
Пес соседский лает, слишком рьяно,
Защищая дом вопят коты.

Гомон птиц, то галки на заборе
Создают немислимый дизайн.
Да, с весенней песней не поспоришь...
Но зачем орать в такую рань.

Поднимаю листик из тетрадки,
Мокрый, истрепавшийся до дыр.
В нём признанья осени, украдкой,
Заглянувшей в возрождённый мир.

В музыке весенней песни много
Нот мажорных, восхищённых тем,
Радостных, бравурных. Окунулась
Песня осени в разлив майских поэм.

Захлебнулась от степных раздолий,
От звенящих в воздухе побед,
И метнулась, надышавшись вволю,
В тёплый дом, где задремал поэт.

Настроение

Безучастно, лениво, плохо
принимаю воскресный день.
Даже песенке скомороха
аплодировать нынче лень.

Он размахивает руками,
рассмешить пытается всех,
Он гримасничает и кивает —
он надеется на успех.

Почему – то, вот так бывает,
мне сегодня не до утех,
бесполезной пилюлей влетает
в душу громкий весёлый смех.

А сосед упивается шуткой.
Старичок не жалеет рук.
«Ну, похлопай, хотя б минутку.
Ты, любезный, совсем протух».

Этой репликой он выбивает
Ту скамью на которой сажу.
Я размахиваю руками,
Я баланс в мире смеха держу.

Мой сосед, да с тобой нет сладу,
Распогодил ненастный день.
И за это держи награду —
От меня скомороху сирень!

Июньский Ленинград

Держу в руках коробку с монпансье, —
Адмиралтейства шпиль на этикетке,
Лежит нераспечатанной, а в ней
Воспоминанья в сладенькой конфетке.

Забытою валялась между книг, —
Москва кормила трюфелем без меры.
За книжкой потянулась и возник
Из прошлого подарок кавалера.

И сумрачный декабрьский неуют
Тотчас померк в сияньи белой ночи.
Июньский Ленинград, Невский проспект
И девочка заливисто хохочет.

В ответ блестят влюблённые глаза,
И шум, и гвалт, беседе нет конца...
И тихо уплывающий перрон...
«Привет Москве!» – кричат со всех сторон.

На столике вагонном в тусклом свете —
Букет фиалок, что затмил весь мир,
Любви росинка в Петербуржском лете,
И купленный на память сувенир
В вокзальном круглосуточном буфете.

Санкт-Петербург. Тепло белых ночей,
Адмиралтейства шпиль вознёсся ввысь.
Держу в руках коробку монпансье.
А сердца ритм выстукивает жизнь.

Летнего вечера просит душа

Город по-летнему дело вершит.
В ярких балетках девчонка бежит.
Вышла беспечно в июль без зонта,
В лужах растаяла их красота.

Парень в футболке, кепка на нос:
«Дождик в июле? Да не вопрос.
Прыгай скорее к нам под навес.
Место отыщем и для принцесс».

Хочешь, не хочешь, встали в рядок,
Мчит по асфальту мутный поток,
Кто то ворчит, кто то хмуро глядит,
Нет ему дела до наших обид.

Солнце сердито сквозь тучи следит.
Дед у метро одиноко стоит.
Шляпа у ног и записка в руке:
«Кто позаботится о старике?».

Вдруг просветлело, и дождик утих.
Радуга небо украсила вмиг.
Слева и справа. Кручу головой,
Прямо над нами сияет дугой.

Листья шуршат и машины шипят.

У остановок маршруток отряд.

Я же по скверу иду не спеша.

Летнего вечера просит душа.

В ожидании грозы

А Питер в ожидании грозы
парит и душит воздухом горячим.
Прохожий, раздражение не пряча,
ругает захмелевший небосвод,
который затаился над Невою
и, кажется, что вот сейчас прольёт
на улицы живительную брагу.

А тот пустился в глупый разговор
с весёлым ветром и развёл бодягу,
пустую склоку, – кто сейчас силён...

Но росчерк молнии прервал их глупый спор.
Гром вздрогнул. Неожиданным раскатам
внимала улица. Трамваев перезвон.
Темнел асфальт. Шипела эстакада.

Разговор и тёплый вечер

Ночь звенит струной неугомонной,
Это ты бессонницею болен
И влюблён, и в этом чувстве тонешь.
Мир полночный грустен и бездонен.

Что нам надо для любви?
Шёпот, песня, тёплый вечер...
Ты мои укроешь плечи...
Быть бы рядом, позови.

Дождик барабанит по стеклу.
Мы ему окошко не откроем.
Столик для друзей опять накроем.
Разойдёмся только поутру.

Что же надо для друзей?
Встреча, песня, тёплый вечер...
Чувствовать друг друга плечи
И размеренность речей.

Убегают годы в никуда,
Остаются в нас воспоминанья.
Не важны сегодня расстоянья,
Всё, что грело – это навсегда.

Что же надо нам с тобой?
Разговор и тёплый вечер.
И костёр последней встречи,
Не погасший и живой.

Дождик барабанит по стеклу.
Мы ему окошко не откроем.
Столик для друзей опять накроем.
Разойдёмся только поутру.

Мне твой образ снится

Из ночной мороки утро настаёт.
Суету и склоки новый день несёт.
Розочка в петлице, а в руках букет —
Мне твой образ снится много, много лет.

В ласковой истоме, приоткрыв глаза,
Слышу в полудреме, бьётся стрекоза
Об стекло в окошке, рвётся на простор,
И в душе у кошки загудел мотор.

Прыгает упрямо с грядки на карниз,
Угодила в яму, вдруг, сорвавшись вниз.
Открываю окна: Солнышко, привет!
Яблонька листвою шелестит в ответ.

Кошка бедолага к миске и молчок,
Там уж паутину вяжет паучок.
Вот моя беспечность: Да иду, иду.
Накормила кошку и бегом к пруду.

В утренней истоме старого пруда
Чудится, что радость утра навсегда.
Розочка в петлице, а в руках букет, —
Пусть мне это снится много, много лет.

И суета Тверской

Мой милый. Всё что я могу сказать.
И дождь.... И город... И речная гладь...
Кувшинки на пруду... Берёзы....
И парк. И фонари. И суета Тверской.
И блеск витрин. И поля шёпот.
И всплеск реки. И вечера покой.

Мой милый. И глаза. Движение руки.
Твой профиль. Поворот.
Улыбка на губах. И вздох,
И удивление во взгляде.
Шаги... И образ, исчезающий в ночи.

Другая жизнь. Любовь другая.
Счастлив будь. Мой милый.

И цветы хорошеют от ласки

И цветы хорошеют от ласки,
И в озёрах кувшинок не счесть.
Летний дождь, как волшебник из сказки
Оживляет иссохшую сечь.

А ещё – он для юной берёзки,
Россыпь капель собрал на листках.
И сережки её, словно слёзки,

Разговор с дождём

Нас манило лето в любовь,
Но мешал бессовестный дождь.
Он меня к тебе ревновал,
На тропинки слёзы ронял.

А весной с мною дождик дружил.
По аллеям неспешно бродил.
О любви он шептал по ночам.
Было вместе так весело нам.

Наступило лето и вот.
Меня парень в скверике ждёт.
На скамейке грустно сидит.
Дождь его прогнать норовит.

А весной со мною дождик дружил.
По аллеям тёмным бродил.
О любви шептал по ночам.
Было вместе весело нам.

Слушай, говорю я дождю.
Так себя друзья не ведут.
Если будешь слёзы ронять,
Не смогу с любимым гулять.

А весной с мною дождик дружил.
По аллеям тёмным бродил.
О любви шептал по ночам.
Было вместе весело нам.

Снова манит лето в любовь.
Про меня забыл грустный дождь.
С милым на свиданья хожу.
С солнышком весёлым дружу.

Я всегда с ним буду дружить.
По аллеям в парке бродить.
Радоваться солнечным дням,
Будет вместе весело нам.

Бульварное кольцо

Шипит Садовое кольцо, троллейбусы ползут.
Оденет маску на лицо усталый странный шут.
Тихонько сядет у окна, задумчивость в глазах.
И я придумаю сюжет о солнечных шутах.

Пылит Садовое кольцо, а я уже в саду,
И подает весёлый шут шампанское во льду.
Мне улыбается мой паж, а я беру фужер.
Снимает маску для меня галантный кавалер.

Ползёт Садовое кольцо, троллейбусы стоят,
Преображается лицо людей, сидящих в ряд.
А мы с загадочным шутком танцуем менуэт,
И он влюбляется легко в предложенный сюжет.

Стоит Садовое кольцо, троллейбус – тронный зал.
И пассажиры, как один, включились в карнавал.
Выходит шут, исчез бокал, и прерван менуэт.
Сидит тихонько у окна задумчивый поэт.

Бежит Садовое кольцо, троллейбус в парк спешит,
В витрине бледное лицо, и манекен молчит.
Чтоб не грустил – и для него я напишу сюжет.
И с ним Бульварное кольцо станцует менуэт.

Луна повисла над Тверской, волшебный дарит свет.
Не спит Бульварное кольцо, танцует менуэт.

Люди и манекены

Модельные туфли идут по паркету,
Красивые платья небрежно надеты,
Накинуты будто бы на манекены,
Которые, вырвавшись в новое утро,
В июльский рассвет из гламурного плена,

Шагают в безличье московской подземки,
Оставив бездушной витрины неоны.
Их шик растворяют во встречном потоке
Цветистые ситцы, шелка и шифоны.

Бесцветные маски задумчивых мимов,
Едва различимы в толпе равнодушной,
Устали скрывать свои лица под гримом,
В метро, как в витрине, – и тесно, и душно.

О, сад эфемеридный! О, рай! – Долгожданный.
Нам жизнь обещали улыбки влюблённых,
Стоявших в обнимку под клёном зелёным,
Смотревшим с восторгом на царство неона.

Модельные туфли идут по паркету,
Красивые платья небрежно надеты.
И серые лица, безликие маски
Выходят навстречу слепящему лету,

А мимы спешат разбросать свои краски,
И лица раскрасить гримасами смеха.

Цветистые ситцы, сатины, батисты,
Шелка и шифоны – всё в радужных красках.
Весёлые лица толпу осветили,
И мимы снимают безликие маски.

Орхидея

Высок, красив, умён, как франт одет.
Боготворит меня, как орхидею.
И я пишу, пишу ему сонет...
Но о любви своей сказать не смею...

Проходит день, проходит ночь, рассвет,
Опять строчу стихи, прочесть не смею.
Иду, бегу, сомнений больше нет,
Преподнесу на память орхидею.

Тихонько от любви к нему сгораю,
И, наконец, с письмом красный конверт
В почтовый ящик смело опускаю,
А в том конверте дивный мой сонет.

Проходят годы без любви и я,
Сгорев, вдруг о любви сказать посмею.
Последний всхлип, последний вдох, и мне
Доставят к изголовью орхидею.

Высок, красив, опять как франт одет.
Стоит с большим букетом на Бродвее.
Пусть нет меня, но как хорош портрет —
Лицо цветочной лавки «Орхидея».

Я забегу на чай

Ну что опять не так!?
Вас не понять,
То над землёй парите-не унять!
То в горестном раздумье на пленэре,
мечтаете о статном кавалере.

Иль враз – оцепененье!
Иль бездумно торчите
в пробках эстрады шумной.
Чтобы отыскать причину наважденья,
Я забегу на чай к Вам в воскресенье.

Ну что не так?
Ах! Я не та персона?!
Я принесу для чая два батона
Из булочной, что на углу Тверской.
И будет хорошо болтать со мной

О будущей весне с капелью звонкой,
О рыжей чёлке ветреной девчонки,
О новой фотовыставке в июне,
А старый пёс, роняя грустно слюни,
Украдкой съест «Овсяное» печенье.

Так забегу на чай? Жди в воскресенье.

Апрельский сад

На чёрном белым, чтоб сумел прочесть
Не усомнившись в ясности виденья, —
Пишу сонет, для будущего весть —
Цветущий сад, моей души творенье.

Танец с дождём

Заглянул летний дождик в глаза.
Мне тоски твоей не унять,
Я могу лишь вместе с тобой
На скамейку слезы ронять.
А еще сердиться на всех,
Гроыхать июньской грозой.
И ещё могу целовать,
Твои плечи, лицо, ладонь.

Закружил ярких молний каскад.
Оглушил своей музыкой гром,
Убежала в испуге тоска,
И танцуем мы вместе с дождем.
И смеется уже летний дождь.
В небе радуга мостик зажгла.
Убежал в гости к ней летний дождь,
И стою я в аллее одна.

Осветил небо солнечный свет.
Ярких радуг рассыпал каскад.
И кружится жасминовый цвет,
В белом вальсе под песню цикад.
Заглянул летний дождик в глаза,
Мне твоей тоски не унять,
Попросил я жасминовый куст,

Белым светом средь радуг сиять.

Лето в городе

Жаркий вечер, вода, как зеркало,
Спят кувшинки, не слышно стрекоз,
Берег спрятан в угарном мареве

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.